

«Протокол „Юки“: Начало новой эры»

КРИМСОН

СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

ПРОТОКОЛ «ЮКИ»
АКТИВИРОВАН

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 100%
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: КОДИ
СТАТУС: СВЯЗЬ УСТАНОВЛЕНА

МИССИЯ

ВЫЖИТЬ. СТАТЬ СИЛЬНЕЕ.
ИЗМЕНИТЬ БУДУЩЕЕ.

АКТИВНЫЕ НАВЫКИ

- [СВЯЗЬ С ЮКИ] LV.1
- [АНАЛИЗ] LV.1

ПОДСКАЗКА

КАЖДЫЙ ВЫБОР
ФОРМИРУЕТ БУДУЩЕЕ.
СИСТЕМА НАБЛЮДАЕТ.

МИРОВОЙ РАНГ

SSS РАНГ

SS РАНГ

S РАНГ

A РАНГ

B РАНГ

C РАНГ

D РАНГ

E РАНГ

F РАНГ

СТАТУС ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

КОДИ

УРОВЕНЬ: 1
ОПЫТ: 0/100
СИЛА: 10
ЛОВКОСТЬ: 10
ИНТЕЛЛЕКТ: 10
ВЫНОСЛИВОСТЬ: 10
ПОТЕНЦИАЛ: ???

ШКОЛА №7

Кримсон

Протокол Юки: Начало новой эры

«Автор»

2026

Кримсон

Протокол Юки: Начало новой эры / Кримсон — «Автор», 2026

Мир, который мы знали, перестал существовать в один миг. Вместо законов физики — интерфейсы, вместо будущего — выживание. Когда на Землю обрушивается Система, привычный мир погружается в управляемый хаос. Люди получают ранги и профессии, а города атакуют монстры. Пока взрослые пытаются спасти старые иерархии, одиннадцатилетний Коди, фанат робототехники, получает статус, который не вписывается ни в одни правила. Его профессия — «Пилот робота», а дар — уникальная способность S-ранга. Коди оказывается связан с «Юки» — загадочным боевым юнитом неизвестного происхождения. Это не просто машина, а живой, мыслящий механизм, внутри которого скрыт настоящий дом: от капитанского мостика до жилых отсеков. Вместе с верными друзьями Люменом и Арсом Коди начинает путь, который превратит детскую дружбу в создание легендарного экипажа. Сможет ли мальчик совладать с мощью, способной изменить ход истории, и разгадать тайну своего нового напарника? Система запущена. Твой первый полет начинается сейчас!

© Кримсон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кримсон

Протокол Юки: Начало новой эры

Глава 1

На доске было написано: «Найдите x ».

Я смотрел на это уравнение уже минут семь и думал про гидравлику.

Не специально. Просто так получалось. Ночью я дочитывал схему привода — ту, что скачал с форума в четверг, — и теперь в голове крутилась одна штука: как передаётся усилие от центрального цилиндра к боковым опорам. Там был момент, который я не понял до конца. Что-то с давлением на изгибе трубки. Я хотел перечитать этот кусок ещё раз, но схема сейчас лежала под учебником математики, и вытаскивать её было нельзя.

Поэтому я думал про неё просто так. Мысленно, не отрывая взгляда от доски, чтобы никто не заметил, где на самом деле блуждают мои мысли.

За окном октябрь лупил по стеклу мелким дождём. Берёза у ворот уже облетела почти вся, и последние листья липли к мокрому асфальту. Наш класс сидел тихо — ну, относительно тихо, — потому что контрольной не было, а значит, можно было позволить себе чуть-чуть уйти мыслями куда-нибудь ещё.

Я уходил дальше всех.

Рядом сидел Люмен. Он реально решал примеры — я краем глаза видел, как двигается его ручка, ровно и быстро, без заминок. Белые волосы у него всегда были чуть растрёпаны с утра, а красные глаза сейчас смотрели в тетрадь с таким спокойствием, будто уравнения сами по себе были интересны. Люмен вообще умел находить что-то интересное там, где я видел только препятствие.

Арс сидел сзади и смотрел в окно. Он сегодня с утра был какой-то помятый — говорил, что плохо спал, снилась какая-то ерунда. Я не стал расспрашивать. Арс не любит, когда расспрашивают. Он в синей куртке, красные волосы немного примяты с левой стороны — наверное, так и проспал. Я слышал, как он зевнул минут пять назад, протяжно, с присвистом.

— Коди.

Я поднял голову.

Анна Сергеевна смотрела на меня от доски. Она была из тех учителей, которые не повышают голос — просто произносят фамилию таким тоном, что становится понятно всё.

— К доске. Четвёртый пример.

Я встал — и в ту же секунду рефлекторно прижал правую руку к учебнику. Там, под ним, лежало двенадцать страниц. Распечатка была тонкая, листы немного скрученные по краям, потому что принтер у нас дома всегда чуть перегревает левый ролик. Я боялся, что они выедут из-под учебника, пока меня нет.

Я на секунду задержался, поправил стопку так, чтобы учебник лежал ровно, и пошёл к доске.

Четвёртый пример смотрел на меня с нехорошей уверенностью.

Я взял мел. Он был короткий, почти огрызок, и крошился в пальцах, оставляя белую пыль на подушечках. Я записал условие — это я ещё помнил, — а дальше начал думать. Думал медленно и честно, но в голове всё равно лезло не то: давление в контуре, диаметр трубки, угол изгиба.

Мел царапал доску.

Я написал какое-то промежуточное действие, потом ещё одно. Анна Сергеевна молчала. Это было хуже, чем если бы она говорила. Когда она молчит — значит, смотрит и ждёт, когда ты сам всё поймёшь.

Я не понял.

Скосил глаза на класс — машинально, по привычке. Люмен смотрел на меня. Не с сочувствием и не с насмешкой — просто смотрел, и чуть заметно качнул головой. Не «нет» в смысле «ты не туда», а «нет» в смысле «я не буду тебе подсказывать». Мы давно договорились: он не подсказывает на уроках. Говорит, что от этого только хуже.

Арс в окно смотрел.

Я дописал что-то, что выглядело как ответ, но сам не был уверен.

— Садись, — сказала Анна Сергеевна. Негромко. — Замечание в журнал.

Второе за неделю. Я это знал, она это знала, и все вокруг тоже знали, хотя делали вид, что нет.

Я шёл обратно к парте и думал: ну и ладно. Думал это специально, потому что под рёбрами всё равно что-то кольнуло — этот знакомый укол, который я не люблю называть вслух. Стыд, наверное. Или что-то похожее. Противное ощущение, как заноза, засевшая где-то между рёбрами.

Но я уже сел, поправил учебник, убедился, что распечатка на месте, — и укол начал затихать. Я представил систему наведения. Тяжёлый штурмовик класса «земля — воздух». Там три независимых контура, и каждый дублирует остальные, потому что если в бою откажет один — машина должна продолжать работать. Я читал про это вчера. Это было правда интересно.

Урок дотянул до звонка как-то сам собой.

Когда прозвенело, я уже убирал вещи — учебник в рюкзак, потом аккуратно, страница к странице, сложил распечатку. Двенадцать листов. Частичная утечка с «Железного легиона» — кто-то слил кусок технической документации на боевой юнит, и там был реальный материал, не фанатские домыслы. Заголовок на первой странице был обрезан, поэтому я не знал, на какую именно модель. Но это было неважно. Принципы везде одинаковые.

— Ты обещал принести про блок управления.

Люмен стоял рядом с партой — я даже не услышал, как он подошёл. Говорил он негромко, без нажима, но это была констатация: ты обещал, срок был сегодня.

Я засунул распечатку в рюкзак и застегнул молнию.

— Принесу. Там ещё страниц восемь, я не всё скачал. Допечатаю дома.

Люмен кивнул. Он не сказал «хорошо» или «ладно» — просто кивнул, что означало примерно то же самое, только без лишних слов.

Арс уже стоял в проходе между партами — куртка застёгнута, рюкзак на одном плече. Выглядел чуть бодрее, чем в начале урока.

— Столовая? — спросил он.

— Угу, — сказал я.

Мы пошли к двери. В коридоре было шумно и пахло чем-то столовским — котлеты или что-то похожее, тёплое и немного пригоревшее. Дождь за окнами всё ещё шёл. Я думал про блок управления, который обещал Люмену, и про то, что дома нужно будет ещё раз поискать продолжение документации на форуме.

Воздух в коридоре был как обычно.

Почти.

* * *

Наше место у подоконника — в конце коридора, за пожарным щитом. Там никто не ходит, если только не опоздал и не ищет короткий путь к туалету. Мы его застолбили ещё в сентябре — просто пришли первыми и сели, и с тех пор оно как-то само стало нашим.

Арс первым дошёл и облокотился на подоконник, закинув голову назад. Дождь снаружи припустил сильнее — окно запотело снизу, и по запотевшему стеклу медленно сползала одинокая капля. Люмен встал рядом, сунул руки в карманы. Я достал распечатку.

— Смотри, — сказал я Люмену. — Вот здесь вот — блок управления.

Я разложил листы на подоконнике. Двенадцать страниц легли не очень ровно — одна сразу поехала вправо, я её поймал и придавил локтем. Первая схема была общая, с разрезом корпуса, и там было много всего мелкого, со стрелками и подписями, часть из которых я ещё не до конца разобрал. Но блок управления был понятен сразу — почти в центре, выделенный чуть более жирными линиями.

Арс одним глазом посмотрел на бумагу и зевнул. Не демонстративно — просто зевнул, прикрыв рот рукой, и остался стоять. Это было что-то вроде его согласия продолжать слушать.

— Вот сигнал, — я провёл пальцем по линии, которая шла от блока управления вниз, к ногам юнита. — Идёт напрямую в сервоприводы. Минуя центральный процессор.

— Зачем? — спросил Люмен.

— Потому что процессор медленный. Ну, не медленный, но он думает. А тут — прямая линия. Пилот нажал педаль, сигнал пошёл, нога сдвинулась. Никаких задержек.

Я не пытался объяснять это как учебник. Это было как когда рассказываешь про игру, которую сам прошёл, — не потому что надо, а потому что тебе всё ещё интересно. Тут был смысл. Машина весом несколько десятков тонн должна реагировать как продолжение тела. Если она будет думать — она уже запоздала.

Люмен смотрел на схему. Он не восхищался — он смотрел так, как смотрит, когда что-то считает.

— Это значит, что система питания должна держать два независимых контура, — сказал он наконец. — Один на процессор, один напрямую на приводы.

Я на секунду замер.

Он был прав. Я про это читал — там дальше в документации было написано именно это. Но я не говорил. Я просто показал схему.

— Да, — сказал я. — Именно так.

Было приятно. Не как когда угадывают ответ в викторине — иначе. Как будто человек посмотрел на то же самое, что ты видишь, и увидел это тоже.

— Слушай, — сказал Арс. Он смотрел уже не в потолок, а на схему, хотя лицо у него было всё ещё немного сонное. — А зачем вообще боевые юниты? Есть же армия. Танки там, самолёты.

Я открыл рот, чтобы ответить — и вдруг услышал собственный голос, будто он звучал откуда-то со стороны.

— Потому что это другое, — сказал я.

И понял, что это не очень хорошее объяснение, но что-то в этом «другое» было правдой, и я попытался её вытащить.

— Армия — это масса. Много людей, много техники, движутся вместе. Юнит один. Он может пройти туда, куда колонна не пройдёт. Может действовать автономно. Может держать позицию, пока всё остальное отступило. И он... — я замолчал на секунду, подбирая слово. — Он отвечает одному пилоту. Не приказной цепочке. Пилот думает — юнит делает. Это быстрее.

Арс почесал затылок.

— Звучит как реклама.

— Ну да, — согласился я. — Но это правда работает так.

Я сам слышал, что голос у меня стал другим. Не как на математике, где я говорил потому что надо было что-то сказать, и слова получались пустые и неловкие. Тут слова были мои. Я знал, что говорю.

Арс не спорил. Он снова посмотрел на схему — уже внимательнее, хотя и без того, чтобы наклониться.

Люмен молчал. Потом сказал:

— Принеси завтра продолжение.

Тихо. Просто. Как будто это было само собой разумеющееся.

Я кивнул.

И только когда кивнул — понял, что это первый раз. Родители говорили: убери это. Анна Сергеевна говорила: убери это. Даже Арс чаще всего просто не обращал внимания — не мешал, но и не просил продолжения. А Люмен сказал: принеси завтра.

Просто принеси. Просто хочу посмотреть дальше.

Я начал складывать листы. Аккуратно, страница к странице, стараясь не погнуть углы.

— Там про систему питания должно быть подробнее, — сказал я. — Я не всё скачал. Но найду.

Люмен кивнул. Арс уже снова смотрел в окно, на дождь.

В коридоре загудело — где-то хлопнула дверь, прокатилась чужая волна голосов и затихла. До звонка было ещё несколько минут. Стекло за спиной Арса совсем запотело, и дождь снаружи превратился в серое пятно без очертаний.

Я убрал распечатку в рюкзак и застегнул молнию.

Воздух в коридоре был обычный. Школьный — краска, чужие куртки, что-то столовское, что доносилось с первого этажа.

Почти обычный.

Я не мог бы объяснить разницу, если бы кто-то спросил. Просто было ощущение, что где-то за этим воздухом есть ещё что-то — тихое, невидимое, и оно ждёт. Как стрелка компаса перед тем, как успокоиться на севере.

Я подтянул рюкзак на плечо и ничего не сказал.

* * *

Мать стояла в прихожей с телефоном в руке.

Не кричала. Не говорила ничего. Просто смотрела — и я сразу понял, что это хуже крика.

Телефон она держала экраном ко мне. Школьный журнал. Моя фамилия, строчка комментария от Анны Сергеевны, дата сегодняшняя. Я знал, что там написано, даже не читая.

— Разуйся нормально, — сказала она.

Я разулся. Поставил кроссовки ровно. Повесил рюкзак на крючок — аккуратно, чтобы не хлопнул. Всё это я делал медленно, потому что пока я разуваюсь, разговора нет.

Но он всё равно начался.

За кухонным столом было тихо, если не считать негромкого гудения ноутбука. Отец сидел напротив окна, свет с экрана падал ему на лицо, и он не оборачивался. Печатал что-то. Мать поставила передо мной стакан с чаем — горячим, значит, ждала — и села напротив.

— Коди, — сказала она.

Я смотрел на стакан, на пар, что поднимался тонкой струйкой над поверхностью.

— Тебе одиннадцать лет. Не тридцать пять. Тебе не нужно сейчас знать всё про роботов. Тебе нужно сдать математику, потом седьмой класс, потом восьмой, и тогда ты сможешь выбирать, что тебе нужно. Понимаешь, о чём я?

Я понимал. Я понимал это с прошлого раза, когда она говорила то же самое. И с позапрошлого.

— Хорошее образование — это не потолок, — продолжала она. — Это пол. С него начинаешь. Без нормального пола ты не сможешь построить ничего устойчивого.

Она любила это сравнение. Пол и потолок. Я знал его наизусть.

— Мам, — сказал я.

— Нет, подожди. Я не закончила. Ты умный мальчик. Это не вопрос. Но умный мальчик, который не решает четыре примера по математике, потому что читает схемы — это не умный мальчик, который нашёл призвание. Это умный мальчик, который делает глупость.

Отец, не отрываясь от экрана, сказал:

— Пилоты роботов не нужны нигде.

Просто так. Без интонации. Как факт.

И это было точнее, чем всё остальное. Мать говорила про будущее и про пол, и про то, что я умный, — это можно было отсидеть, пропустить мимо ушей и переждать. А отец сказал три слова и попал точно в то место, где я не был уверен.

Я взял стакан с чаем. Чай был горячий, и пить его было невозможно, поэтому я просто держал, грея ладони о стекло.

— Я исправлюсь, — сказал я. — Больше не повторится.

Мать посмотрела на меня долго. Она умела так смотреть — не злобно, просто устало. Как будто не верила, но и спорить уже не хотела.

— Завтра принеси тетрадь, — сказала она. — Покажешь, что сделал.

— Хорошо.

— Ужин через двадцать минут.

— Хорошо.

Она встала. Поправила полотенце на ручке духовки — просто так, машинально, не потому что оно криво висело. Отец ничего больше не говорил.

Я ушёл в комнату.

Рюкзак я поставил на стул и расстегнул молнию. Учебник по математике лёг на стол — тяжёлый, с потрёпанным углом обложки. Рядом с ним я положил распечатку. Двенадцать листов, частичная утечка с форума, схема боевого юнита — блок управления, система питания, узел стабилизации.

Оба лежали на столе. Я открыл распечатку.

Блок управления был устроен сложнее, чем мне казалось сначала. Там были слои — не просто «пилот нажимает кнопку и юнит двигается», а целая иерархия сигналов: первичный импульс, фильтрация, задержка на ноль целых семь сотых секунды — для компенсации человеческой реакции. Я перечитал этот абзац три раза. Семь сотых секунды. Юнит обрабатывал движение быстрее, чем пилот успевал понять, что отдал команду.

Это было не просто интересно. Это было — я не знал, как это назвать. Как будто схема разговаривала, если смотреть достаточно долго.

Я взял ручку и написал на полях: «0,07 с — компенс. реакции — зачем? защита от ошибок?»

За окном темнело. Сначала небо было серым, потом стало синим, потом просто тёмным. Я включил настольную лампу и не заметил, что включил.

В схеме был раздел про питание — неполный, последняя страница обрывалась на полужае про резервный контур. Я остановился на этом месте и перечитал. Резервный контур шёл параллельно основному и активировался при падении мощности ниже тридцати процентов. Но дальше было непонятно: он питал только систему управления или весь юнит? Если только управление — это имело смысл как защита пилота. Если весь — то зачем тогда основной контур такой мощный?

Я написал: «резервный контур — что питает точно? → найти продолжение».

Продолжение нужно было найти. Я же обещал Люмену.

Где-то на кухне звякнула тарелка. Мать позвала — негромко, один раз. Я встал, поел, сказал «спасибо», вернулся в комнату.

Учебник по математике лежал на том же месте, где я его положил. Закрытый.

Я посмотрел на него. Четыре примера. Там было что-то про дробь — я помнил, что Анна Сергеевна объясняла, но в какой-то момент объяснение ушло куда-то за левое ухо, а я думал про блок стабилизации в схеме.

Лампа светила на схему. На полях у меня уже было семь заметок. На учебнике — ноль.

Около десяти вечера я перевернул последний лист распечатки и посмотрел на часы.

Четыре примера. Ноль из четырёх.

Я вздохнул — не драматично, просто выдохнул воздух, глядя в тёмное стекло — и придвинул учебник. Открыл на нужной странице. Взял ручку.

Потом посмотрел на схему. На заметку «резервный контур — что питает точно?»

Продолжение документации было где-то на форуме. Люмен сказал «принеси завтра» — просто, как будто само собой разумеющееся. И я кивнул. И теперь мне нужно было это найти.

Я закрыл учебник. Потом открыл. Потом закрыл снова.

За окном город гудел привычно — машины, чей-то голос в подъезде, лифт. Всё на своих местах.

Я решил первый пример. Потом второй — с ошибкой, переписал. Поднял голову и посмотрел в окно.

Небо было тёмное и совершенно обычное.

Я убрал учебник в рюкзак, схему оставил на столе. Лёг. Лампу не выключил сразу — лежал и смотрел в потолок, где лампа рисовала жёлтый круг.

Два примера. Не четыре. Ладно.

Но про резервный контур я же так и не понял.

* * *

Я открыл планшет почти не думая — просто рука потянулась сама, пока я лежал и смотрел в жёлтый круг от лампы на потолке.

Форум загрузился быстро — «Железный легион», привычная зелёная шапка, последние темы справа, счётчик онлайн внизу. Я вбил в поиске «техническая документация юнит утечка» и пролистал. Большинство тем — старые, месяцами никто не отвечал. Потом — вот, вторая снизу, дата сегодняшняя, ник «апоп_77_w», просто набор цифр.

«Нашёл продолжение. Восемь страниц. Кидаю сюда — меня попросили убрать через час, так что быстро».

Я нажал на ссылку. PDF открылся со скрипом — планшет подумал секунду, потом выдал страницы. Восемь штук. Я сохранил, не читая, — сначала сохранить, потом смотреть. На форуме уже писали «спасибо» и «успел».

Потом стал читать.

Система наведения — страница с кучей схем, стрелок, подписей мелким шрифтом. Я понял примерно половину. Там было что-то про автономную компенсацию при смещении цели — интересно, но не то, что я искал. Перелистнул.

Резервные контуры питания — вот. Я притормозил. Читал медленно, по абзацу. Резервный контур питал систему управления и базовый сенсорный блок. Только их. Основной контур — для движения, вооружения, щитов. Значит, если основной садился ниже тридцати процентов, юнит терял ход и оружие, но пилот сохранял контроль над интерфейсом и мог видеть окружение. Защита пилота. Я так и написал на полях — карандашом, планшет под рукой, бумага рядом. «Защита пилота — не юнита».

Это имело смысл. Если юнит выходит из строя, пилоту нужно успеть отдать какую-то команду или хотя бы понять, что происходит.

Дальше шёл раздел про интерфейс пилота.

Я открыл его и сразу увидел чёрный прямоугольник.

Он занимал почти треть страницы — ровный, аккуратный, явно поставленный поверх текста намеренно. Не просто пятно или брак сканирования — цензура. Под прямоугольником текст возобновлялся с новой темой, как будто вырезанного куска не существовало.

Я подвинул планшет ближе к лицу, хотя это ничего не меняло. Чёрный — значит чёрный.

Можно было попробовать угадать по контексту. До прямоугольника говорилось что-то про «синхронизацию» и «первичный отклик». После — про «протокол аварийного отключения». Между ними — то, что кто-то убрал.

Я лежал и смотрел на это место. Чего там не должно было быть? Или чего не должны были знать те, кто читает утечку?

Люмен бы сказал, что я додумываю. Наверное.

Я перелистнул дальше, но мысль осталась, зацепилась где-то под затылком и не отпущала.

Последние три страницы были про техобслуживание — интервалы проверки, список узлов, что-то про смазку сервоприводов. Скучно, но полезно. Я пробежал глазами и вернулся к главной странице форума.

Справа, в рекомендованных темах, было видео.

Без названия. Просто дата — три дня назад — и счётчик просмотров: сорок два. Маленькая картинка-превью: темно, оранжевый фонарь сбоку, что-то большое в кадре, размытое.

Я нажал.

Съёмка с телефона, сразу понятно — качество так себе, рука дрожит, ночь, фонари по краям. Окраина города — я не узнал район, но видел пустырь и забор вдали. И в кадре — силуэт.

Большой.

Намного больше машины. Я попробовал прикинуть масштаб по фонарному столбу рядом — раза в три выше, наверное. И форма неправильная для крана: слишком симметричная, слишком... цельная. Кран — это конструкция из балок и тросов. А здесь что-то другое. Плечи — или что-то похожее на плечи. Голова, или то, что можно было принять за голову.

Силуэт стоял и не двигался.

Камера тоже почти не двигалась — человек, который снимал, явно старался держать её ровно, но руки чуть гуляли. Была слышна улица — далёкий шум машин, раз мяукнула кошка где-то. Человек за камерой дышал — я это слышал, негромко, с лёгкой одышкой, будто бежал к этому месту.

Силуэт стоял.

Я досмотрел до конца — видео было около минуты — и нажал ещё раз. Второй просмотр я смотрел уже на форму: пытался разобрать, где у него руки, есть ли ноги или он просто врыт в землю. Непонятно. Слишком тёмно, слишком размыто. На третьем просмотре я смотрел на фон: нет ли ещё чего-то в кадре, нет ли людей, нет ли техники рядом.

Ничего. Просто силуэт и фонари.

На четвёртом просмотре я смотрел на него самого.

И увидел.

В какой-то момент — примерно на сорок второй секунде — камера дёрнулась. Не сильно, просто рука съехала. И в этот момент, в этот именно момент, силуэт чуть повернул голову.

В сторону объектива.

Я отмотал. Сорок вторая секунда. Дёргается камера — голова поворачивается. Я поставил на паузу как раз после. Силуэт смотрел туда, где стоял человек с телефоном.

Я положил планшет на грудь и уставился в потолок, чувствуя, как по рукам пробежали мурашки — то ли от холода в комнате, то ли от чего-то ещё.

Это монтаж. Очевидно монтаж. Кто-то взял видео ночного крана или строительной техники и подрезал, замедлил, добавил дрожание камеры для эффекта. Потом выложил на форуме про боевые юниты, чтобы люди вот так и лежали с планшетами в час ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.